

1930 года. Были арестованы Т. Д. Григорьев, 1905 г.р., В. Г. Крохмаль, 1897 г.р., М. Ф. Хруслов, 1900 г.р., Ф. В. Хруслов, 1864 г.р., К. Ф. Хруслов, 1898 г.р., З. М. Мановицкий, 1882 г.р., К. М. Мановицкий, 1887 г.р., П. Г. Мановицкий, 1898 г.р. Коллегия ОГПУ осудила их 16 августа 1930 года. Грамотный Василий Гаврилович Крохмаль пострадал более всех, получив 5 лет ИТЛ. Братья Хрусловы получили по 3 года ИТЛ. Остальные получили по 3 года ссылки [9, с. 8].

Таким образом, репрессивная политика против крестьянства в начале 1930-х годов в Каракалинске соответствовала общегосударственной политике.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта ИРН АР23486898 «Политические репрессии на территории Карагандинской области в 1920-1930-х годах» (ГФ Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Литература:

1. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф.9п. Оп.1. Д.92.
2. ГАКО Ф. 501.Оп. 2. Д. 2.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 Т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929 – 1940 гг. – М.: Политиздат. – 1967. – 306 с.
4. ГАКО. Ф.1. Оп.1. Д.24.
5. Кузнецова Е. Б. Трагические страницы истории // Арт проект: «1937: Территория памяти – жоқтау»: Каталог. – Алматы, 2013. – 168 с.
6. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 5053.
7. ГАКО. Ф.73, Оп.2, Д.4а.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.Оп.1.Д. 175.
9. Попов Ю. Ботакаринское «красное колесо» // Индустриальная Караганда. – 2011. – 23 апреля (№ 47). – С. 8.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЖЕНЩИН - ЗАКЛЮЧЁННЫХ КАРЛАГА В 1941-1945 ГОДЫ

Елеуханова С. В., к. и.н., ассоциированный профессор
Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова
Караганда, Казахстан
eleuxanova62@mail.ru

Изучение жизни женщин - заключённых сталинских лагерей продолжает оставаться актуальной проблемой научной мысли и общественной дискуссии по самым разным параметрам. В Карагандинском лагере женщины отбывали наказание, как по политическим статьям, так и за бытовые, уголовные преступления. С началом войны в Карагандинский лагерь прибывали простые работницы, крестьянки, получившие срок за опоздание на работу, за незначительные бытовые преступления [1, с. 106]. Большинство женщин - заключённых Карлага не были преступниками в общепринятом значении этого слова. Значительная часть приговоренных к лагерному заключению нарушили один из каких-либо бесчисленных репрессивных законов, распространявшихся на почти все области жизни советского человека. Данная категория лагерного населения Карагандинского лагеря отбывала наказание по «Указам» и «Постановлениям», а не по 58 статье. Всего в лагере находилось женщин 41 национальности, более половины составляли русские – 55%, еврейки – 16,5 %, украинки – 2,4 %, немки – 2,4 %, казашки – 2% и др. Большинство из них относились к самой

работоспособной категории лагерного контингента: от 20 до 30 лет – 29%, от 30 до 40 лет – 48 % [2, л. 43]. Женщины представляли разные профессии: учителя, инженеры, строители, геологи, продавцы, ткачихи. Г. Степанова – Ключникова вспоминала: «Тяжело приходилось женщинам с гуманитарным, музыкальным и другим ненужным лагерю образованием, им приходилось выполнять самую тяжёлую физическую работу. Наиболее ценились строители, сметчики, агрономы, врачи [3, л. 23].

Труд осужденных в годы Великой Отечественной войны характеризовался рядом специфических особенностей. В эпоху военного времени весь народно-хозяйственный комплекс государства был переведен на новейший порядок работы. Практическое осуществление общегосударственной задачи «Все для фронта, все для победы!» возлагалось и на исправительно-трудовые учреждения, на ее решение наравне с выполнением прочих задач была направлена и деятельность НКВД СССР. Подготовленный комиссией и одобренный правительством и ЦК ВКП (б) народно-хозяйственный план на период конца 1941 года и на 1942 год представлял собой программу формирования главной военно-промышленной базы на востоке государства. План строился на основе данных о людских ресурсах в областях Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и осужденных [4, с. 37].

В военные годы женщины-заключенные работали в сельскохозяйственном и животноводческом производстве, производстве. На территории Акмолинского лагерного отделения находился Тонкерийский фарфоровый завод, который в год выпускал 70 тысяч мисок, 200 тысяч пиал, 215 тысяч стаканов, 30 тысяч штук огнеупорного кирпича. Годовой выпуск продукции составлял 1337 тысяч рублей. В Карлаге действовало и валяльное производство с выпуском 30 тысячи пар валенок в год. Благодаря мужеству, энергии женщин «АЛЖИРа» Акмолинская швейная фабрика накануне Великой Отечественной войны стала крупным предприятием, с трикотажными и вышивальными цехами, с годовой производственной программой. Во время войны женщины шили военное обмундирование, выполняли заказы на 3 тысячи комплектов телогреек и брюк [4, л. 52].

С началом Великой Отечественной войны режим содержания женщин - заключенных был резко ужесточен. Так, были введены 11-часовой рабочий день для работающих на особо тяжелых производствах и 12-часовой – для всех остальных осужденных. Охрана Карагандинского лагеря была усилена резервными и оперативными взводами, ударными группами, оперативно-розыскными отрядами и заставами. Неограниченные полномочия получили начальники лагерей и оперативно-чекистские отделы, резко ухудшились питание и медицинское обслуживание заключенных. Оперативные работники следили за исполнением поступающих из вышестоящих органов приказов и распоряжений. Так, в частности, согласно директиве заместителя наркома НКВД СССР Круглова от 10 марта 1942 года № 105 сотрудники оперативно-чекистских отделов должны были проконтролировать выполнение распоряжения о предоставлении заключенным возможности сна не менее восьми часов, так как в результате отсутствия нормального отдыха теряется работоспособность. В Карагандинском лагере единственным исключением из правила – каждый заключенный должен работать – были больные и признанные негодными к труду. Обязанность осужденных трудиться могла быть обеспечена и принуждением. Отказ от работы квалифицировался как грубое нарушение режима. Заключенные, уличенные в злостной форме саботажа, в дезорганизации лагерной жизни и производства предавались суду [6, л.157]. Попасть в число саботажников было очень просто, особенно женщинам «мало приспособленным к физическому труду». Достаточно было не выполнить производственную норму.

Противоправные действия по отношению к осужденным женщинам допускались личным составом военизированной охраны Самарского, Карабасского, Котурского и Тортаульского отделений Карагандинского лагеря. Нарушение законности со стороны

сотрудников лагеря вызывало недовольство среди заключённых и толкало их к грубым нарушениям режима. В их числе отказ от работы, умышленное членовредительство, отказ от приёма пищи и многодневные голодовки, групповые невыполнения требований лагерной администрации, массовые беспорядки, побег. Произвол со стороны персонала лагеря усугублялся оскорблениями, открытым выражением враждебности к репрессированным. Комиссия сделала заключение, что данная практика уже давно перешла в «систему режима» Карлага [7, л. 54].

В зависимости от характера выполняемых работ и норм выработки осужденные получали различный продовольственный паек. Питание заключенных в годы Великой Отечественной войны регулировалось Положением о питании заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР от 22 мая 1942 года [4]. По норме № 1 на одного человека в день полагалось : муки подболточной – 5 г; круп, макарон – 55 г; мяса, мясopодуlктов – 15 г; рыбы, рыбopодуlктов – 80 г; жиров – 10 г; картофеля, овощей – 450 г; сахара – 5 г; чая суррогатного – 2 г; томата-пюре – 10 г; перца стручкового – 0,1 г; лаврового листа – 0,1 г; соли – 10 г. [7, л. 54].

Достоверно известно, что нормы питания, предназначенные для различных категорий заключенных и менявшиеся в разное время, в Карлаге никогда не соблюдались. По свидетельствам бывших женщин-заключенных, соприкасавшихся с системой организации лагерного снабжения, «образцы» пайков были несравнимы с тем, что выдавалось заключённым. Неслучайно, воспоминания рисуют лагерный мир, где «черпак щей занимает высшее место в иерархии ценностей», где «200 грамм хлеба правят жизнью», где об ужине говорится «вот он миг короткий для которого и живет человек-зэк». Бывшая заключённая Акмолинского отделения Карлага К. И. Мальцева подтвердила: «В годы войны кормили плохо: суп из свекольной ботвы да каша ячневая или пшеничная. Если норму выполняли – 700 граммов хлеба, если нет – оставались без ужина» [8, с. 30].

Многочисленные инструкции и циркуляры центральных органов власти регулировали все аспекты жизни женщин- заключенных. Перемещение их по лагерю, производственная деятельность, режим содержания регламентировались общим распорядком, регулярными обысками, проверками и прочими средствами тотального контроля. Осуждённые-женщины были изолированы от гражданского общества, но в исправительно- трудовом лагере ни один из индивидов не имел возможность уединения. Они вынуждены были вместе не только работать, но также есть, спать, строем передвигаться по территории, по команде справлять «естественные надобности», вместе и по команде мыться, читать, писать письма, чинить одежду и т.д. Фактически происходило нормирование повседневной жизни.

Бытовые условия заключенных и санитарное состояние зон также оставляло желать лучшего. Вот, что говорится в разделе «Акта о бытовых условиях осужденных» за 1941 г.: «Во всех бараках, землянках, где живут заключенные, низкая температура, сыро, нет достаточного воздуха и света. Имели место случаи отсутствия топлива по 2-3 суток, люди совершенно не раздеваются, спят на нарах без постельных принадлежностях». Заключенные были лишены и других удобств. Умывальников в бараках практически не было. Кипяченой водой заключенные не обеспечивались, бани работали с перебоями, мощностей бань не хватало на всех заключенных, вследствие чего многие из них не мылись по несколько месяцев. Отсутствие санитарно-гигиенических мероприятий, особенно в зимнее время, вызывало почти поголовную их завшивленность [9, л. 196]. Комиссия выявила отсутствие постельных принадлежностей, недостаточное обеспечение женщин одеждой и обувью.

Грубо нарушались права заключённых по срокам нахождения в ШИЗО и санитарно-гигиеническим условиям содержания. Все штрафные изоляторы размещались в обветшалых и аварийных зданиях. Степень изношенности помещений была такова, что даже значительные материальные и трудовые затраты не позволяли поддерживать их надлежащее

техническое состояние. По оценкам начальника ВОХР Карлага капитана ГБ И.И. Маевского 70% ШИЗО не отвечали режимным требованиям [10, л. 8].

К нарушителям лагерного режима применялись следующие взыскания: лишение свиданий, переписки, передач на срок до шести месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами до трёх месяцев, возмещение причинённого ущерба; перевод на общие работы. К взысканиям относился перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паёк, неблагоустроенный барак); перевод в штрафной изолятор; перевод в штрафной лагерный пункт [10, л. 147].

К осуждённым применяли не только систему мер наказания, но и поощрения. Основанием для поощрения служило соблюдение режима и высокие показатели в работе. Самой распространённой формой поощрения являлось зачисление заключённых на улучшенное питание. В зависимости от вида наказания, режима, степени исправления и перевоспитания осуждённого, соотношение поощрения и наказания изменялось.

Шансы на выживание резко отличались в зависимости от места расположения лагеря. К такому выводу единодушно пришли как официальная статистика, так и рассказы очевидцев тех страшных событий. Так, среднестатистический уровень смертности в Карагандинском лагере, ориентированном на сельскохозяйственное производство был в пятнадцать раз ниже, чем в лагерях Колымы, Магадана, Воркуты. Годом высокой смертности был 1943 год, когда умерло 3454 человека (18,1% к среднесписочному составу)

Таким образом, режим содержания осуждённых Карлага в годы войны был ужесточён, что отразилось на повседневной жизни женщин-заключённых. Главной чертой повседневности и быта заключённых Карагандинского лагеря являлся произвол и применение методов насилия со стороны сотрудников военизированной охраны, особенно к нарушителям лагерного режима и отказникам от работы. Обыденной практикой являлось избивание заключённых в Сарептском, Бурминском, Коктуринском отделениях Карлага. Нелегитимные методы работы личного состава военизированной охраны и надзирательной службы Карлага выражались в различных формах: превышение предоставленных им прав и полномочий; унижение, избивание заключённых и незаконное применение к ним оружия; нарушение правил конвоирования и изоляции осуждённых.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта ИРН АР26104679 «Женщины казахстанских лагерей ГУЛАГа: стратегии выживания, лагерная повседневность». (ГФ Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан)

Литература:

1. Калдомасова Г. В те далёкие годы // Наука и жизнь. 1988. №3.
2. Архив Правовой статистики и специальным учётам Генеральной прокуратуры по Карагандинской области (ПС и СУ). Ф.16. Д.249.
3. Архив ПС и СУ. Ф.16. Д.248.
4. Бестемиев С. Тюремный режим надо менять // Мысль. 2001. №1. С. 37.
5. Архив ПС и СУ. Ф.16. Д.15.
6. Архив ПС и СУ) Ф. 16 Оп.2. Д. 45.
7. Архив ПС и СУ Ф.16 Оп. 20. Д. 321.
8. Шубин А. М. Карлаг в 40-х годах. Из фондов Центрального архива МВД СССР // Советские архивы. 1991. № 6. С. 30.
9. Архив ПС и СУ Ф.16 Оп.7. Д. 567.
10. Архив ПС и СУ Ф.16 Оп.1. Д. 1.